

[Великая династия Нин.

Восьмой год правления под девизом «Чунли». Пятый месяц. Скончался император Инцзун.

Пятый принц Байли Хун унаследовал трон, сменив девиз правления на «Цзинжуй».

Новый император был молод. Дабы сохранить стабильность государства, главой клана Цинь и главнокомандующему армией Цинь Сяо был дарован титул Регента (Шэчжэн-вана) для помощи в управлении государственными делами, а также почетный титул «Нин» (Спокойный).

Последующие десять лет Нин-ван усердно наставлял юного императора, реформировал управление, развивал жизнь народа, под видом «помощи в правлении» фактически верша дела государя...]

Худые бледные нефритовые пальцы скользнули по книжным страницам, кончик пальца замер на имени «Цинь Сяо».

Регент — эта роль идеально подходит для главного злодея.

Чу Цзюбянь только начал читать этот роман, но уже смог определить, что главный герой — император Байли Хун, а Нин-ван Цинь Сяо — главный злодей всего повествования.

Судя по комментариям других читателей, Цинь Сяо — персонаж коварный, хитрый, жестокий и безжалостный, убивающий не моргнув глазом, лишенный человечности. Единственное, что у него можно выделить положительного — это политические достижения.

Лишенный человечности?

Что ж, тогда он просто обязан попробовать этого злодея «на вкус», проверить, каков он.

Чу Цзюбянь собрался было читать дальше, как дверь его автомобиля (трейлера) открылась снаружи.

В салон мгновенно ворвался специфический шум съемочной площадки.

Ассистент напомнил: «Брат Чу, следующая твоя сцена. Режиссер просит тебя готовиться к полету на тросах».

Чу Цзюбянь слегка опустил длинные ресницы, еще раз скользнул взглядом по книге в руках и как раз увидел: [Нин-ван Цинь Сяо повел армию и разгромил государство Сай на Западных землях, получил тяжелые ранения, оправлялся от них три месяца].

Закрыл книгу.

Чу Цзюбянь поднялся, вышел из машины и направился к указанному месту.

Серебристо-белые длинные сапоги ступали по земле, а сложные, богато украшенные драгоценностями и серебряными украшениями одежды с каждым его движением сталкивались друг с другом, издавая беспорядочный звон.

Присутствующие невольно оборачивались.

В центре всеобщего внимания оказался юноша в длинной мантии в западном стиле из серебристо-белой ткани, расшитой легкой газовой тканью, талия туго перетянута усыпанным самоцветами поясом, подчеркивающим стройную линию. На правом плече — высококачественный серебристый песцовый мех, ниспадающий блестящим плащом до самых щиколоток.

Черты его лица были отстраненными, словно сошедшими с картины, светлые зрачки безучастны, как неорганическое вещество, что придавало его, казалось бы, влюбчивым персиковым глазам оттенок бесстрастности. Короткие, мелко настриженные волосы иссиня-черные и мягко-блестящие, но волосы на затылке были оставлены длинными, ниже пояса.

Сейчас эти длинные волосы были выкрашены в серебристо-белый цвет, заплетены в длинную, толщиной с девичье запястье, косу, украшенную усыпанными бриллиантами серебряными цепочками. В сочетании с этим нарядом и бледным прекрасным лицом Чу Цзюбяня, это придавало ему оттенок андрогинной божественности.

Чу Цзюбянь отчетливо ощущал направленные на него со всех сторон взгляды, мог даже точно определить, кто тайком фотографирует его на телефон.

Но, имея такое лицо и будучи актером, он давно привык к подобному вниманию, поэтому сейчас невозмутимо встал на указанное место и быстро надел снаряжение для полетов (вэйя).

Снимется пораньше — пораньше закончит работу, еще хочется вернуться и почитать роман.

Вскоре, по команде режиссера, его начали медленно поднимать в воздух.

Съемки проходили в горах.

В этой сцене персонаж Чу Цзюбяня, Верховный жрец, должен впервые предстать перед главным героем, спускаясь с небес крайне эстетичным, художественным способом.

У этой сцены нет других требований, только одно — быть красивой.

Кадр должен быть красивым, движения красивыми, человек — тем более красивым.

А для реалистичности и красоты, поднять на вэйя нужно было на максимальную высоту.

Чу Цзюбянь немного боялся высоты. По мере того как тело поднималось все выше, он невольно посмотрел вниз.

Люди и техника на земле становились все меньше и меньше.

Так высоко — если упадешь, наверное, превратишься в кровавое месиво? Кровь брызнет, эти украшения и драгоценности вопьются в плоть, некоторые со звоном укатятся в разные стороны, оставляя за собой кровавый след.

Чу Цзюбянь почувствовал, как его тело слегка дрожит. Холодный ветер раскачивал его фигуру, заставляя звенеть серебряные украшения, заглушая предсмертный скрип старого, изношенного снаряжения вэйя.

Челка хлестнула по глазам, он поднял руку, чтобы поправить ее.

Внезапно он тяжело рухнул вниз, но тут же был туго стянут тросом вэйя.

В поясице и паху возникла тупая боль, Чу Цзюбянь тихо вскрикнул, его фигура закачалась еще сильнее, словно кленовый лист поздней осенью, отчаянно борющийся за жизнь, не желая превращаться в прах.

Он поднял голову, посмотрел наверх. Раннее летнее солнце нещадно слепило глаза.

Прищурившись, он заметил, что из двух тросов вэйя один уже лопнул, и только один чудом удерживал его на весу.

Люди внизу, казалось, закричали, трос вэйя начал медленно ослабевать, пытаясь опустить его обратно на землю.

Однако не прошло и двух секунд, как с громким треском лопнул и последний оставшийся трос.

Накрыло невыносимое чувство невесомости, серебристо-белая длинная коса внезапно расплелась, серебряные цепочки в волосах по инерции взметнулись вверх, оставив на его ухе неглубокую кровавую царапину.

Мозг Чу Цзюбяня не успевал реагировать.

Да ладно?

Неужели ему так не повезло?

Не успел он прокрутить в памяти свою короткую двадцатиднолетнюю жизнь, как в голове раздалось прерывистое шипение, похожее на электрические помехи.

Затем зазвучал холодный механический голос.

[Обнаружено специальное кармическое поле поле (поле причин и следствий), идет коррекция... Коррекция успешна.

Система привязана.]

[«Система причин и следствий» переименована в «Систему инфраструктурного строительства Великой династии Нин». Пожалуйста, собирайте для хозяина очки веры (верования), чтобы корректировать карму (причины и следствия).]

==

Девятый день шестого месяца, первый год правления Цзинжуй. Час Мао (5-7 утра).

Императорский дворец, перед Помостом Рангов (Пиньцзитай), стоят, склонив головы, сто чиновников.

Тридцать девять ступеней из белого нефрита уходят вверх, а на самой высокой центральной площадке стоит крошечная фигурка «три головы и рост» (маленький ребенок).

Человечек одет в золотисто-желтое драконье одеяние, это и есть будущий император Байли Хун, который вот-вот взойдет на трон.

Байли Хун облизал пересохшие губы, взволнованно скользнул взглядом по склонившейся внизу, безмолвствующей толпе.

Пурпурные, малиновые, темно-синие чиновничьи одеяния уходили назад рядами, соблюдая строгий порядок и иерархию.

А позади Байли Хуна высился величественный тронный зал.

Табличка с надписью «Фэнтяньдянь» (Зал Почитания Неба), выполненной железными штрихами и серебряными крючками, висела над красными колоннами. Сквозь распахнутые двери зала смутно виднелся золотой трон в форме дракона, над которым красовалась надпись из четырех иероглифов: «Цяньшу чэньюнь» (Небесный стержень несет предназначение).

Бум —

Долгий колокольный звон потряс небо и землю. Глава Ведомства Небесных Светил (Циньтяньцзянь) с нефритовыми табличками в руках, возвысив голос, запел поздравительные оды.

Несмышленный маленький император еще не понимал этих глубоких фраз, он невольно украдкой взглянул на позицию примерно в десяти шагах слева от себя.

Там стоял стройный, высокий, прямой мужчина. Он был спиной к маленькому императору, черные волосы высоко собраны в пучок нефритовой шпилькой, на нем была черно-золотая мантия с вышитым драконом (символ высшей власти сановника), означающая высшую власть подчиненного.

Это был Нин-ван Цинь Сяо.

Единственный по-настоящему важный для Байли Хуна родственник, самый любящий его родной дядя по материнской линии, а также Регент, который будет помогать ему управлять государственными делами.

Байли Хун успокоился в душе и снова устремил взгляд прямо.

В небесах и на земле воцарилась полная тишина, лишь раздавался громкий и сильный голос главы Циньтяньцзяня.

Неизвестно, сколько времени прошло. Когда короткие ножки Байли Хуна уже начали дрожать, а на висках выступили капли пота, церемония восшествия наконец достигла последнего этапа — все чиновники должны были совершить коленопреклонение (коуту).

С громким выкриком чиновники под длинной лестницей разом опустились на оба колена, скрестили руки, поднесли их к груди, ожидая лишь команды «коуту», чтобы склонить головы и признать свою покорность.

Независимо от того, было ли это их желанием или нет, сколько бы мыслей ни крутилось у них в головах, в этот момент факт, что трехлетний ребенок взошел на трон, а родственники императрицы из рода Цинь захватили власть, уже был предрешен.

Цинь Сяо обвел всех своими глубокими темными глазами и, как и следовало ожидать, встретился взглядами с теми, кто стоял в первых рядах — высшими сановниками первого и второго рангов.

На лицах этих старых лис было написано невозмутимое спокойствие, но что у них на уме на самом деле — знали только они сами.

Уголки губ Цинь Сяо тронула неопределимая улыбка, он отвел взгляд и одновременно повернулся лицом к императору.

Встретив чистые, полные доверия и зависимости глаза маленького императора, холодное выражение лица Цинь Сяо слегка смягчилось.

Он приподнял полы одежды, собираясь опуститься на колени вместе со всеми чиновниками перед новым императором.

Но именно в этот момент в его уши ворвался какой-то неуместный, даже странноватый звонкий звук.

Взгляд его мгновенно стал острым, он поднял голову, вглядываясь в полупустоту.

Однако в следующее мгновение его руки были подхвачены какой-то неведомой силой и подняты, одновременно перед глазами мелькнуло что-то белое, а затем на его руки обрушилась не слишком тяжелая, но и не легкая ноша.

Тяжесть была ощутимой, теплой, на ощупь шелковистой — казалось, кто-то упал в его объятия.

У носа расплылся легкий аромат. Тело Цинь Сяо застыло, с трудом поддаваясь движениям, лишь взгляд устремился вниз, туда, где покоилась ноша.

Неожиданно его глубокий взгляд встретился с парой светлых зрачков.

В голове Чу Цзюбяня «шумели помехи», холодный механический голос прерывисто вещал: [Подобрана подходящая точка приземления для хозяина... Приземление безопасно...]

Подходящая точка приземления?

Чу Цзюбянь посмотрел на почти что перед самым носом красивое лицо и не нашел слов для ответа.

Рассудок и ясность возвращались, постепенно обострялись и остальные чувства. Он запоздало осознал, что его ладони, кажется, лежат на чем-то твердом.

Он машинально сжал пальцы, одновременно опуская взгляд.

Под ладонями была качественная ткань и угадывающийся под ней рельеф напряженных мышц.

Чу Цзюбянь: «...»

До него наконец дошло, что он, кажется, одновременно и ощупывает, и сжимает грудные мышцы этого парня, «точки приземления».

«Уа!» — раздался вдруг звонкий детский голосок, полный радостного удивления: «Это божественный братец!»

Сердце Чу Цзюбяня дрогнуло.

Он с ужасом повернул голову на источник звука.

Неподалеку стоял трехлетний пухленький карапуз, похожий на вырезанную из нефрита куколку, одетый в подобающее ему драконье одеяние. Сложив ручки вместе и прижав к груди, он с сияющими глазами смотрел в их сторону.

Их взгляды встретились, и карапуз даже покраснел от волнения.

Откуда тут ребенок?

В голове Чу Цзюбяня пронеслось множество мыслей, но он точно ухватил из них самые важные.

Например, упомянутую системой «Великую династию Нин», или этого карапуза в драконьем одеянии прямо перед ним, а также парня — «точку приземления».

Не считая его самого как переменной, вся эта сцена ужасно напоминала ту самую церемонию восшествия на престол из романа, который он только что читал.

Неужели этот ребенок и есть маленький император Байли Хун?

Чу Цзюбянь машинально повернул голову, глядя вверх плеча «точки приземления» вдаль.

В одно мгновение перед глазами предстали величественные дворцовые стены и здания, а также толпа древних людей, застывших на коленях.

Люди, казалось, тоже не сразу отреагировали на внезапную перемену или, быть может, по какой-то другой причине, но в первую секунду никто не шелохнулся, лишь с разными выражениями лиц смотрели в их сторону, во взглядах больше читалось любопытство.

Вот это да!

У Чу Цзюбяня дернулся кадык.

Вопрос решен: он, умирая, попал прямо в книгу.

Но если сейчас как раз церемония восшествия на престол главного героя Байли Хуна, то парень, который смог стоять на одном помосте с императором и которому не повезло стать «точкой приземления» — это же...

В голове снова раздался ледяной механический голос: [Обнаружена смертельная угроза для хозяина, прошу беречь себя.]

Смертельная угроза?!

Беречь себя?!

Что это за слова!

Чу Цзюбяня словно окунули в ледяную прорубь. Он медленно отвел взгляд и снова посмотрел на человека, державшего его на руках.

В холодных черных глазах мужчины вспыхнуло убийственное намерение, неприкрытая злоба и давящее чувство опасности, словно лавина, обрушились на Чу Цзюбяня.

Одновременно Чу Цзюбянь почувствовал тупую боль в пояснице и под коленями — это державший его человек медленно усиливал хватку. Не исключено, что, приложи он еще чуть-чуть усилий, мог бы просто раздавить его.

Цинь Сяо!

Тот самый безжалостный убийца, псих!

У Чу Цзюбяня кожа на голове зашевелилась, сердце бешено заколотилось. Ощущение близкой смерти заставило его рефлекторно дрожать.

Однако система в голове внезапно, некстати, издала короткую веселую мелодию оповещения, а затем снова заговорила механическим, казенным тоном:

[Теплое напоминание: через пятнадцать минут ожидается сильный ливень, продолжительностью 24 часа. В последнее время погода переменчива, просьба хозяину беречься от холода, при выходе из дома не забывать зонт.]

Видя, как глаза Цинь Сяо слегка прищурились, а леденящее убийственное намерение и боль в пояснице и коленях отчетливо передавались в нервные окончания, Чу Цзюбянь в мгновение

ока нашел способ выбраться из этой ситуации.

Рискованно, но, если получится — выгода неоценима.

Подумав так, он заставил свои влажные глаза постепенно наполниться светом.

Цинь Сяо почувствовал, что его затекшее тело постепенно приходит в норму. Выражение лица его оставалось невозмутимым, но внутри он был далеко не спокоен.

Этот человек в его объятиях появился слишком внезапно, так же внезапно пришло оцепенение и потеря контроля над телом — все это было подозрительно до странности.

Но можно сказать точно: аномалия в его теле непременно связана с тем, кого он держит.

Такая опаснейшая переменная ни в коем случае не должна остаться в живых.

Размышляя, Цинь Сяо снова встретился взглядом с человеком на руках.

Это были светлые, слегка отсутствующие глаза.

Но в следующее мгновение он увидел, как эти глаза становятся глубокими, и в них появляется улыбка, не достигающая дна.

Чу Цзюбянь с улыбкой на лице, не уклоняясь и не избегая, смотрел в холодные, резкие, опасные глаза мужчины и медленно заговорил: «Похоже, ты и есть то самое любовное испытание (обет) для меня, Верховного Бога?»

Чистый, прозрачный, звенящий голос, с оттенком неопределенности между юношей и молодым человеком, едва зазвучав, сразу же крепко зацепил внимание присутствующих.

«Я...» — он говорил по одному слову, замирая, и его уши покраснели от неловкости, — «очень доволен».

Верно, он будет притворяться божеством!

<http://bllate.org/book/17024/1584013>